

Архимандрит Лука (Головков)

У наших выпускников не спрашивают диплом — их работы говорят сами за себя

Ровно 30 лет назад Московская духовная академия стала первым учебным заведением, объявившем о профессиональной подготовке иконописцев. За это время Иконописная школа академии выпустила несколько сотен дипломированных специалистов. Выпускники школы, в 2019 году преобразованной в иконописный факультет, трудятся в мастерских известных монастырей, возглавляют бригады по церковному убранству крупных храмов-новостроек, преподают церковное искусство в ведущих высших духовных учебных заведениях. На вопросы «Журнала Московской Патриархии» отвечает декан факультета архимандрит Лука (Головков), несущий это послушание уже 27 лет и в ноябре 2020 года переизбранный Ученым советом академии на эту должность.

Иконопись академической школы

— *Ваше Высокопреподобие, вернемся на три десятка лет назад. Вспомните, пожалуйста, кто и когда решил открыть в Московской духовной академии подразделение по профессиональной подготовке иконописцев. Как все начиналось?*

— С освобождением Церкви из-под советского гнета насущная потребность в иконописцах стала очевидной, и Священный Синод на осеннем заседании 1989 года решил открыть соответствующее учебное заведение. На какой базе его создавать, вопросов, насколько мне известно, не возникало: заслуженным авторитетом пользовался долгие годы существовавший при Московской духовной семинарии иконописный кружок. Патриарх Пимен (Извеков) прекрасно знал его основательницу (к тому моменту уже почившую) монахиню Иулианию (Соколову) и высоко ценил ее деятельность.

Летом 1990 года состоялись первые вступительные экзамены, а 1 октября студенты при-

ступили к занятиям. Приемную кампанию организовали и провели тогдашний инспектор Московской духовной семинарии, а ныне митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий, известный иконописец протоиерей Николай Чернышев (ныне доцент кафедры иконописи Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета), другие преподаватели семинарии и академии.

Первым заведующим Иконописной школой стал протоиерей Вадим Смирнов (ныне игумен Никон, который долгие годы был настоятелем Афонского подворья в Москве), а на должность его помощника назначили архидиакона Романа (Тамберга) († 1998).

Я тогда завершал обучение в Московской духовной академии, принял монашеский постриг и священный сан. Непосредственно в тех событиях я, конечно, не участвовал. Вскоре отец Роман поступил в братию Троице-Сергиевой лавры, где возглавил Патриарший архитектурно-строительный центр, а меня благословили

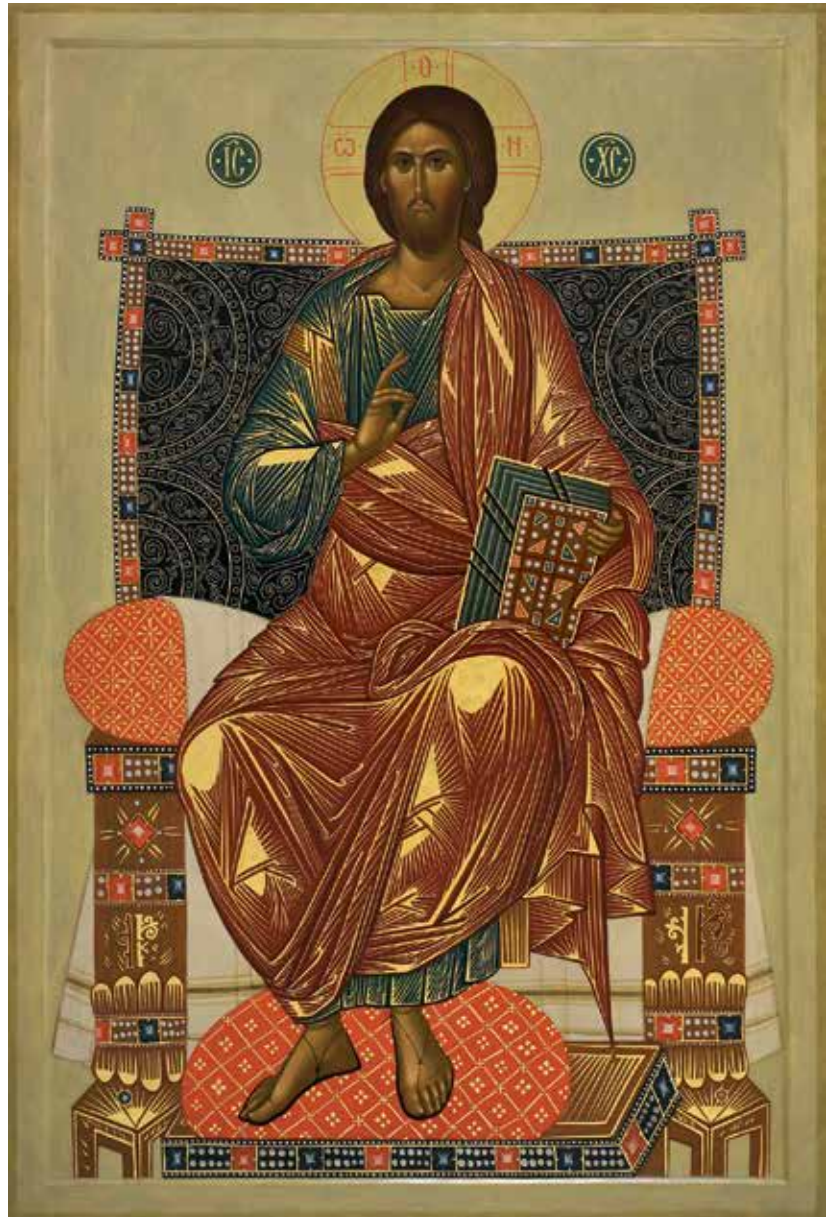
занять его место. Отец Вадим тогда параллельно вновь стал заведовать и Регентской школой, на работе которой затем и сосредоточился, а мне в 1993 году поручили возглавить Иконописную школу.

Во время обучения первых студентов продолжала формироваться программа, отшлифовывался сам учебный процесс. Заложена монахиней Иулианией (Соколовой) база была чрезвычайно ценна. Но в ее кружке на первом месте стояли просветительские задачи, преподавание иконописцам-любителям. Нам же необходимо было освоить профессиональную подготовку иконописцев, которой Церковь не занималась долгие десятилетия. Поэтому к ученицам матушки Иулиании Наталье Алдошиной и Екатерине Чураковой добавились участвовавшие в росписи Покровского академического храма отец Николай Чернышев, Владимир Ермилов и Ярослав Добрынин. Укрепили это ядро мы первыми выпускниками школы — Анатолием Алешиным, Александром Солдатовым, Светланой Тарасовой и Анной Зданович. Собственно, они до сих пор вместе с Натальей Алдошиной и Владимиром Ермиловым и составляют костяк преподавательского состава нашего факультета, в который сейчас я бы еще включил Елену Белобородову (преподает с 1998 г.).

К концу 1990-х годов стало ясно: четырех лет обучения для формирования полного комплекса иконописных навыков явно мало. Ни тогда, ни сейчас условия не позволяли и не позволяют нам увеличить продолжительность обучения для всех студентов. Поэтому мы переформатировали учебный процесс в двухступенчатый. Самые талантливые после основного трехлетнего обучения получают возможность задержаться у нас еще на два года. Перед студентами второй ступени ставятся качественно иные задачи. Успешно завершившие обучение на ней должны уметь проектировать иконостас, создавать ансамбль икон для храма, писать авторские иконы святых нового времени.

— Можно ли говорить о сформировавшейся традиции иконописания в Московской духовной академии, сложившейся художественной школе ее иконописного факультета?

— Наши студенты изучают разные стили и сами пишут по-разному. Но в большей степени,

*Мария Дмитрива,
дипломная
работа 2015 г.
Спас на Престоле*

в том числе и в силу географического фактора, мы тяготеем к Московской школе эпохи ее расцвета, пришедшейся на XV–XVI столетия. В этом мы стараемся следовать вкусам и предпочтениям монахини Иулиании (Соколовой). В деятельности иконописного кружка она старалась не сужать рамки творческого интереса воспитанников, которые работали в различных традициях иконописания. Но ей самой ближе были изографы XV–XVI веков. Деятельность матушки Иулиании, ее учеников и последователей оказалась чрезвычайно важной для формирования восприятия, хорошего вкуса в отношении икон для большей части нынешнего духовенства. Ведь семинария в те годы была относительно

Диакон Владимир Кечехмадзе, дипломная работа 2018 г. Святитель Николай с житием

небольшой, и в той или иной степени с деятельностью иконописного кружка знакомился примерно каждый третий студент.

В учебном процессе пристальное внимание мы уделяем работе студентов в музейных собраниях, их знакомству с подлинниками древности. Ведь иначе нельзя постичь красоту работы автора с цветом и фактурой, переданное им при помощи цветового строя восприятие произведения целиком. Современное иконописание нередко страдает иллюстративностью: видно, что человек работал с иллюстрацией и репродукцией, а не с подлинниками, в результате чего его произведениям не хватает интересности в цвете и фактуре, а в целом — глубины. Все это приводит к упрощению и примитивизму иконы. Мы же хотим, чтобы икона не только была выполнена с соблюдением канонов, но и была

особенной. И сегодня специалисты различают, какая икона принадлежит кисти нашего выпускника, притом уже заметны и подражания.

— **В каких музейных собраниях работают ваши студенты, где чаще всего проходят копийную практику?**

— Таких мест множество: это и местные собрания — Церковно-археологический кабинет (музей Московской духовной академии) и Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник. В Москве это Государственная Третьяковская галерея, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Музей Храма Христа Спасителя, Музей русской иконы. Прекрасные отношения у нас сложились с корпусом государственных музеев-заповедников в регионах: Переславле-Залесском, Ростове Великом, Ярославле, Вологде, Петрозаводске, Новгороде. наших студентов за практической работой можно увидеть в Государственном музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» в Архангельске, Кирилло-Белозерском государственном музее-заповеднике, собраниях Углича, Рязани и Смоленска. Украинские студенты работали и в киевских музеях.

От основ стенописи до реставрации тканей

— **Иконописная школа стала факультетом Московской духовной академии, а возглавляющий ее доцент именуется деканом. Можно ли отметить еще какие-то признаки эволюции вашего подразделения — ведь считается, что за 30 лет сменяется человеческое поколение?**

— За это время наши преподаватели создали огромное количество учебно-методического материала. Нароботан бесценный опыт — как чисто педагогический, так и связанный с преподаванием специальных изобразительных дисциплин. В сетке расписания появились курсы основ стенописи и реставрации икон — их раньше не было. В рамках факультета успешно действует отделение (правда, небольшое) лицевого шитья: студенты изучают в том числе реставрацию тканей. Обновляются и преподавательские кадры: четыре года назад пришла талантливый педагог Людмила Гадалова. Ну а об особенностях пере-

хода на двухступенчатое образование мы уже говорили.

— **Чем различаются дипломы, выдаваемые иконописцам после трех- и пятилетнего обучения?**

— Сами корочки не различаются, но во втором варианте указываются более длительный срок обучения и дополнительные практики. Впрочем, вообще обучение иконописанию в духовных школах сейчас продолжает развиваться в условиях переходного периода всей церковной образовательной системы. Статус трехгодичного обучения иконописанию пока не определен — присутствует, скорее, видение того, что в перспективе его закрепят в рамках среднего специального образования. Отучившиеся пять лет выпускники, вероятно, будут получать диплом о высшем образовании. Но к разработке общецерковного стандарта для бакалавров иконописания пока только приступают.

— **Иконописцев выпускают сегодня несколько духовных школ. Можете назвать самые авторитетные из них, конкурирующие с вами по уровню обучения и качеству образования?**

— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Санкт-Петербургская духовная академия, Курская и Тобольская семинарии. В остальных успехи скромнее. Конечно, стать хорошим иконописцем можно и избрав другой путь — например, окончить светское высшее учебное заведение или работать в профессиональных бригадах и постигать премудрость иконописания на практике. Так, наши выпускники, работая в бригадах по росписи храмов, часто пересекаются с теми, кто окончил Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова, Московскую государственную художественно-промышленную академию имени С. Г. Строганова, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры. Они хорошо вписываются в бригады.

Из небольших школ неплохое образование дает Иконописная школа Алипия Печерского в подмосковной Дубне. Еще бы я отметил московскую школу-студию Успенского храма в Матвеевском — по крайней мере, ее выпускники традиционно успешно выдерживают вступительные испытания на наш факультет.

— **Среди выпускников отделения наверняка есть мастера с собственным творческим почерком. Можете назвать хотя бы некоторых?**

— Выпускников, которыми мы гордимся, много. Есть среди них и крайне востребованные руководители иконописных бригад: Александр Деркачев, Самсон Мазоев, Андрей Костяев, Наталья Пирогова (Масюкова), Елена Антонова. Сейчас многие наши выпускники трудятся над мозаичным убранством в верхнем храме нового Благовещенского собора в Серафимо-Дивеевском монастыре. Мы не учим мозаике, но общий образовательный уровень применительно к византийскому и древнерусскому искусству позволяет молодым специалистам с нашим дипломом работать даже на таких сложных церковных объектах.

— **В какой степени вы сотрудничаете с Иконописной мастерской Троице-Сергиевой лавры?**

Роман Яковлев,
дипломная работа
2014 г.
Преподобный Савва
Сторожевский

— Там работают шестеро монахов, все они наши выпускники. Предметные дисциплины они у нас не ведут, но иногда участвуют в мастер-классах или консультируют студентов-старшекурсников.

Иконописанию нужны юноши

— *Архитектурный ансамбль крепостных стен Троице-Сергиевой лавры, помещения которых занимает в том числе ваш факультет, в минувшем десятилетии активно реставрировали. Как вы пережили этот процесс?*

— С пониманием. Самые большие неприятности нам доставили работы на кровле: крыша протекла, и пришлось в буквальном смысле спасать и учебные места, и сами иконы — студенческие работы. Не было бы счастья, да несчастье помогло: после этого «потопа» благодаря спонсорам во всех аудиториях поменяли окна и потолки, сделали современное освещение, закупили удобную мебель. Студенты в ремонтных работах тоже участвовали. Так, семь лет назад капитальный ремонт проводился в мастерских северной стены, и в течение двух месяцев можно было заниматься только в половине помещений. Сейчас в восточной стене у нас располагается библиотека с изофондом, классы теории и учебные мастерские мужских групп (практические занятия, в отличие от теоретических, по традиции нашей Иконописной школы проходят отдельно для девушек и юношей). Северную стену занимают женские мастерские и отделение лицевого шитья. Аудитории светлые и просторные, и единственное, пожалуй, их неудобство — расположение по сквозной анфиладе.

— *Почти весь осенний семестр, как и весенний, академия закрыта на карантин. Сильно ли это влияет на учебный процесс?*

— Первоначально предполагалось, что студенты обоих творческих факультетов вместе с первокурсниками бакалавриата смогут заниматься очно. На «удаленку» их пришлось отправить после того, как в академии значительная часть тестов на коронавирус оказалась положительной. Несмотря на то что на нашем факультете число таких тестов было минимальным, мы, как и вся академия, перешли на дистанционное обучение. Теорию наши студенты изучают на лекциях в Zoom, практические занятия прохо-

дят в режиме дистанционных индивидуальных консультаций с преподавателями.

Единственное исключение сделали для дипломников 5-го курса. Если сейчас не оставить их в академии, к концу весны они не смогут доделать дипломные работы и повторят ситуацию предшественников. Ведь в минувшем учебном году впервые наши выпускники не защищали дипломы: разъехавшись в марте домой на карантин, они, естественно, не смогли забрать большие иконы с собой и оставили их в мастерских. Более того, эта ситуация повлияла и на приемную кампанию: помещения академии оказались заняты вещами студентов и были не готовы к потоку абитуриентов. Поэтому общаться экзаменационной комиссии с поступающими, насколько это возможно, пришлось удаленно. Именно в таком формате прошло и собеседование. Но совсем без очного общения обойтись мы не смогли (правда, уместили его в один день): провели обсуждение художественных работ с комментариями авторов и приняли традиционный комплексный устный экзамен.

— *А после летнего снятия карантина дипломники прошлого года разве не смогли доделать свои работы?*

— Успела только одна студентка, но и той получить диплом пока не удастся: защита все время переносится из-за пандемии. По Уставу академии выпускникам, не защитившим диплом, полагается выдавать справки. Но этот документ им не очень нужен: образование они и так получили превосходное, а среди иконописцев бумаги с печатями не очень ценятся. Были случаи, когда наших профессионально состоявшихся выпускников без диплома принимали на стажировки и даже в члены Союза художников России — достаточно оказалось лишь слов об окончании факультета. В остальном профессиональные знания, навыки и умения говорят сами за себя.

— *На конкурсе на ваш факультет пандемия не сказалась?*

— Практически нет. По конкурсным показателям среди абитуриентов мы стабильно лидируем во всей академии. В женские группы он в последние годы колеблется в пределах от 5 до 10 человек на место, а вот в мужские наблюдается отрицательная динамика.

— Многие ваши коллеги в других вузах жалуются на катастрофическое падение уровня профессионализма абитуриентов. В частности, приходилось слышать сетования завкафедрой иконописи ПСТГУ Екатерины Шеко, что в течение первого семестра преподаватели вынуждены убирать у первокурсников явные огрехи в азах изобразительного творчества, в течение второго — заново приучать их тому, что рисовать, оказывается, можно не только на компьютерном планшете, но и на бумаге...

— Мы на это, к счастью, пожаловаться не можем. Все-таки о нас знают по всей стране, и если абитуриент идет к нам — значит, он отдает себе отчет в том, что не просто хочет писать, а стремится учиться именно в Московской духовной академии. Уровень профессионализма наших абитуриенток, как и прежде, высок. А вот у юношей — снижается, что правда, то правда. Соответственно, мужские группы в последние годы несколько слабее женских. Это плохо: иконописанию нужны юноши. Мужчины, если разрабатываются, чаще возглавляют творческие коллективы и плодотворнее работают в бригадах по росписи храмов. Женщина-иконописец не всегда способна работать на стене, да и заботы о семье и доме нередко перевешивают...

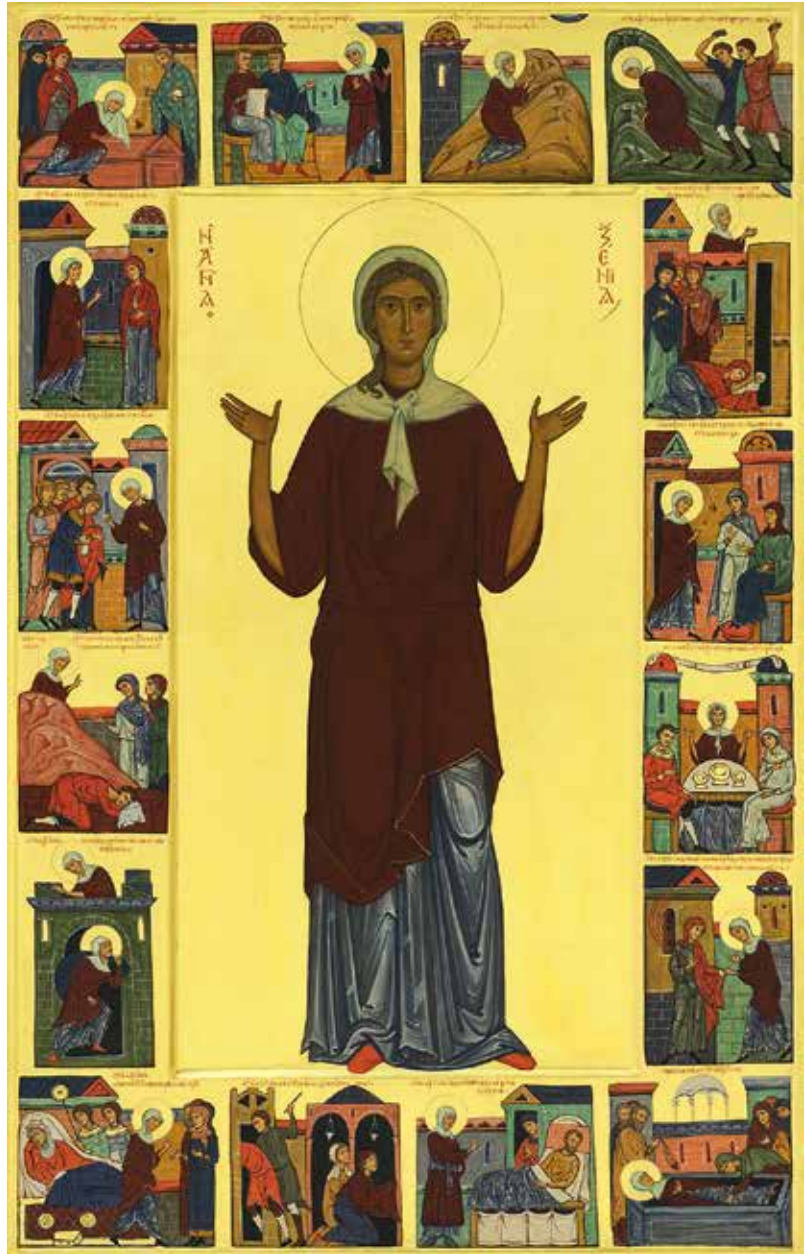
Впрочем, уровень профессионализма студентов падает во многих художественных вузах мира. Если смотреть в корень, это происходит в том числе и потому, что молодые люди хотят творить, не особо стремясь обучаться школе изобразительного искусства, и оттого, что сами учебные заведения все больше на это настраиваются. Но как они смогут творить, не постигнув основ своего ремесла? Только дилетантски, в русле художественной самодеятельности.

«Дефицита на иконописцев нет»

— Достаточно ли, на ваш взгляд, сегодня в России иконописцев?

— В целом хватает. Кто-то из хорошо зарекомендовавших себя мастеров даже не очень сильно занят. С другой стороны, иконописцы экстра-класса востребованы — впрочем, большой очереди нет и на них. Так что о дефиците среди профессионалов говорить не приходится.

— Лично вам как специалисту чье творчество из наших современников ближе и интереснее?

Дарья Эллингская,
дипломная работа
2017 г.
Блаженная Ксения
с житием

— Тут уместно говорить, скорее, не о преимуществе или недостатке того или иного исполнителя, а об уровне художественных школ, которые они представляют. В столице таких несколько — это и Александр Лавданский, и Алексей Вронский, и ныне покойный Александр Соколов. В Суздале — семейная династия Давыдовых (в которой мне, впрочем, больше по сердцу работы сына Филиппа, нежели его отца священника Андрея). В Санкт-Петербурге серьезно работает Александр Стальнов. Яркое дарование и у архимандрита Зинова (Теодора), хотя далеко не все его работы бесспорны. Своим индивидуальным вкладом интересна Ирина

Архимандрит

Лука (Григорий Ана-
тольевич Головков)
родился 1 июля
1962 г. В 1982 г.
окончил СГПТУ-106
в Перми по специ-
альности «худож-
ник-оформитель».
В 1987 г. окончил
Московскую духов-
ную семинарию,
в 1991 г. — Мос-
ковскую духовную
академию. В 1990 г.
в октябре постри-
жен в монашество,
в ноябре рукопо-
ложен во иероди-
акны, в декабре —
во иеромонахи.
С 1991 г. — препода-
ватель и помощ-
ник заведующего
Иконописной
школой при МДА,
с 1996 г. — ее заве-
дующий. В 1994 г.
удостоен сана
игумена. Возведен
в сан архимандрита
в 2010 г. Препода-
ватель церковного
искусства в Мос-
ковской духовной
семинарии с 1994 г.
Доцент Московской
духовной академии
с 2008 г. С 2019 г. —
декан Иконописно-
го факультета МДА.

Зарон, но ориентироваться на нее я бы не стал. Тенденция к обесцвечиванию иконы, которую можно заметить и в стиле Ирины, сейчас усматривается у ряда художников, но она не совпадает с традицией искусства Церкви. Мне же очень важны ставшие хрестоматийными слова князя Евгения Трубецкого о пасхальности цветового строя всякого иконописного образа.

— Могли бы вы в целом охарактеризовать уровень иконописания в Русской Церкви?

— За минувшие три десятка лет церковного возрождения созданы работы, которые, безусловно, войдут в летопись православного искусства. В то же время есть и явно сомнительные иконы, в том числе с точки зрения профессионализма их авторов. В иконописании, конечно, много нерешенных проблем. Правда, я бы тут заметил, что в той же православной Греции возрождение иконописания также идет не просто, и тоже не всегда с очевидным позитивным результатом.

— Усматриваете ли вы общий тренд в развитии иконописи? В каком направлении, как вам кажется, она эволюционирует?

— Такого направления нет. Это в Средневековье можно было говорить о четком векторе развития, потому что в тот или иной момент главенствовала какая-то одна изобразительная традиция, связанная с актуальными для данного времени богословскими идеями и настроениями эпохи, особенностями региона. Но уже в поствизантийское время изограф и заказчик могли выбирать, в какой стилистике писать — западной или восточной. С XV до XIX столетия число возможных путей все время возрастало. А начиная с эпохи модерна художники получили возможность пользоваться вообще всеми наработанными к тому моменту приемами или создавать в русле церковного канона что-то свое. Так продолжается и теперь. Конечно, желательно, чтобы новатор творил в органической связи с храмовым пространством, чтобы архитектор заранее просчитывал потребности убранства, а художник понимал заложенную зодчим идею.

Так что какого-то преобладающего направления в развитии иконописи сегодня нет. Единственное, что я воспринимаю с сомнением, — заявления некоторых художников об их всеядности. Все же писать одинаково хорошо

в стиле и IX, и XX века невозможно — что-то обязательно получится хуже. А если что-то получается не так хорошо, зачем же это практиковать?

— А что касается церковного искусства в целом? Можно спрогнозировать, куда оно будет развиваться в среднесрочной перспективе?

— Тоже нет — по уже названной причине. Церковное искусство нового времени очень разное, и усмотреть в его развитии какой-то преобладающий вектор невозможно: такового просто не существует.

Плохо написанную икону не «намолишь»

— Не прекращается череда попыток создать творческий союз иконописцев, но ни одна из них не увенчалась успехом. Почему, как вам кажется?

— Создать реальную общественную организацию сегодня, да еще в мире творческих людей, — задача сложная. Мне кажется, гораздо важнее, чтобы хотя бы в рамках московской Комиссии по церковному искусству, архитектуре и реставрации (равно как и в аналогичных епархиальных подразделениях в регионах) заработал алгоритм, ставящий «шлагбаум» на пути низкопробных произведений. Там необходимо согласовывать и визировать проекты убранства хотя бы на самых важных объектах. Ведь иногда пишутся иконы, которые в храмовом убранстве не хотелось бы даже видеть! Кроме того, в рамках работы этих органов можно было бы и коллегиально подсказывать что-то ценное достойным исполнителям. Пока не заработает соответствующая система, творческие союзы ничего не дадут и ничего не решат.

— В Церкви довольно громко звучат упреки в адрес некоторых коллективов, стенопись которых явно не улучшает впечатление от только что построенного или отреставрированного храма. В чем тут, на ваш взгляд, дело?

— В том, что художник обязан чувствовать пространство, а это не каждому дано. Типичные ошибки — укрупнение деталей и упрощенный подход к убранству храма. Многие художники не чувствуют стену, делают образы слишком яркими, руководствуясь «книжным», а не живым восприятием. Пошла вредная мода на перебеленные

лики. Они смотрятся неестественно и странно, ведь светлое восприятие лица должно обеспечиваться не количеством истраченных белил, а взаимным соотношением тонов и контрастов отдельных фрагментов росписи. Важно уметь «ловить» ансамбль, не фальшивить в цветовом строе, чтобы роспись не мешала восприятию икон и не портила впечатление от архитектуры храма в целом. Конечно, иногда зодчие ставят храмы с такой сложной внутренней геометрией, что добиться оптимального соотношения всех этих параметров почти невозможно. И все же решение следует искать. Мне весьма понравилась работа бригады, расписывавшей церковь во имя великомученицы Варвары на подворье Антонијево-Сийского монастыря в центре Архангельска. Художники блестяще выполнили роспись сложнейшей геометрии современной архитектуры, не «потеряв» и не изуродовав колонны очень тонкого сечения.

— Из-за чего или из-за кого чаще всего случаются основные недочеты?

— Заказчик подбирает неопытных, непрофессиональных исполнителей. Промахнулись с главным — детали не спасут. Даже финансирование не столь важно: достойный результат можно обеспечить и скупыми выразительными средствами, а богатством — непоправимо испортить. При прочих равных не следует торопиться. Вспоминается случай, когда настоятель храма XVI века попросил наш факультет сделать ему иконостас за год. Мы были бы рады поработать в его церкви, но в тот момент были заняты, поэтому в заданные рамки никак не укладывались. Он нашел другого исполнителя, а через некоторое время пригласил посмотреть на результат. Качество оказалось ниже всякой критики. Внутренне прекрасно осознавая это, настоятель спросил с едва улавливаемой надеждой: «А может, помолим?» Что я мог ему ответить? Что невозможно помолить «никакие» иконы? В том иконостасе, кстати, уже начали кое-что переделывать. Стоило ли так гнаться за сроками?

Беседовал Михаил Терентьев

**ЦЕРКОВНЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
«СОФРИНО»**

Лучшие традиции русского церковного искусства
Преемственность поколений и передовые технологии

Обновлённое свечное производство
и жёсткие стандарты качества
Индивидуальный подход, бонусы
и скидки постоянным клиентам

При комплексном оснащении храма утварью –
специальные условия

Иконостас Патриаршего собора Воскресения Христова

*Ждём Вас
в наших
магазинах!*

www.sofrino.ru

